

УДК 81'25

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-59-3-64-76

О ТРИЕДИНСТВЕ ПРЕДМЕТА ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

В. И. Фролов

Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия

В статье описан предмет общей теории перевода, показана его принципиально тройственная природа. Производится обзор взглядов на перевод как научный объект. Анализируются точки зрения, в разное время высказанные представителями лингвистической теории перевода и других теоретических направлений. Проводится значимое методологическое разделение на микро- и макролингвистические концепции перевода. Представлены три ракурса рассмотрения перевода. К двум традиционным — переводу как процессу и переводу как результату — добавляется третья «ипостась», а именно перевод как событие речевого взаимодействия. Эта третья грань призвана отразить социолингвистическую природу перевода. Автор приходит к выводу, что все три группы факторов пересекаются в плоскости текста, который, однако, также понимается в самом широком макролингвистическом смысле. В качестве теоретико-методологической базы предлагается теория речевого общения, которая включает в себя как постулаты теории речевой деятельности, разработанной А. А. Леонтьевым, так и ряд идей М. М. Бахтина. Именно идеи последнего, по мнению автора, составляют особый подход к описанию общественной природы высказывания, релевантный для теории перевода. Триединство предмета общей теории перевода обеспечивается методологической стыковкой всех теоретических баз, а именно выделенных автором лингвистических, психолингвистических и социолингвистических концепций. Согласование данных теорий позволяет говорить о целостном и едином предмете общей теории перевода, не ограничивая ее потенциал изучением отдельных аспектов.

Ключевые слова: общая теория перевода; предмет науки о переводе; макролингвистическая концепция перевода; речевое событие; теория речевого общения.

Цитирование: Фролов В. И. О триединстве предмета общей теории перевода // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 3 (59). С. 64–76. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-59-3-64-76.

On the Threefold Subject of General Translation Theory

Valentin I. Frolov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

The paper describes the subject of the general translation theory, demonstrating its fundamentally threefold nature. The introduction includes an overview of the perspectives on translation as an object of scholarly study. The author analyzes the viewpoints expressed at different times within the linguistic theory of translation and other theoretical frameworks, making a

significant methodological division into micro- and macrolinguistic concepts of translation. The next section discusses three angles of looking at translation. In addition to the two traditional aspects (translation process and translation result), a third one is introduced, namely translation as an instance of speech interaction. This third facet is intended to reflect the sociolinguistic nature of translation. The author concludes that all three groups of factors overlap on the textual plane, with text also understood in the broadest macrolinguistic sense. Theoretically and methodologically, this research is based on the theory of speech communication, which includes both the premises of the theory of speech activity, developed by A. A. Leontiev, and a range of M. M. Bakhtin's ideas. It is the ideas of the latter that, in the author's opinion, constitute a special approach to the description of the social nature of the utterance, relevant for the theory of translation. The threefold nature of the subject of the general translation theory is further enforced by the methodological overlap of its theoretical foundations, namely the evocative linguistic, psycholinguistic, and sociolinguistic concepts. The agreement of these theories allows us to postulate the integral and unified nature of the subject of the general translation theory without limiting its potential to the study of individual aspects.

Key words: general translation theory; subject of translation studies; macrolinguistic concept of translation; speech event; speech communication theory.

Citation: Frolov, Valentin I. (2022) On the Threefold Subject of General Translation Theory. *LUNN Bulletin*, 3 (59), 64–76. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-59-3-64-76.

1. Введение

Теория перевода как научная дисциплина существует более полувека, однако до сих пор продолжают споры относительно ее предмета. Ничего удивительного, впрочем, в этом нет, ведь перевод — явление сложное и многогранное. Речь в данной статье пойдет о предмете именно *общей теории перевода*.

Более или менее стойкое единодушие относительно объекта исследований наблюдается в рамках лингвистической теории перевода (ЛТП), создатели и поборники которой в методологических целях намеренно сузили предмет своих научных изысканий. Так, формулируя требования к «объективному» научному изучению перевода, В. Н. Комиссаров отмечает, что, во-первых, объект должен быть доступен для анализа, во-вторых, исследуемый материал должен поддаваться обобщению и систематизации, в-третьих, выявляемые закономерности должны обнаруживать общие основания. И именно «стремление удовлетворить эти требования и определило обращение к лингвистической теории перевода» (Комиссаров 1996: 91). При этом ни один из корифеев ЛТП не был настолько наивным, чтобы полагать, будто феномен перевода ограничивается взаимодействием систем языков между собой, т. е. микролингвистической проблематикой. Однако именно в этом обвиняют представителей ЛТП их критики. Данная абберрация по крайней мере отчасти связана с тем, что на момент возникновения науки о переводе господствующей парадигмой в языкознании был структурализм, поэтому определение «лингвистический» обрекало представите-

лей соответствующих подходов в переводоведении на прямые ассоциации с методологическими и теоретическими принципами структурной лингвистики. Стоит ли говорить, что подобное отождествление уже давно утратило актуальность. Еще в 70-е годы О. Каде, рассуждая о предмете лингвистической теории перевода, указывал на необходимость четко разделять и не смешивать микролингвистические и макролингвистические концепции: «Характерными примерами слишком узкого или же абстрактного определения перевода как предмета научного исследования являются микролингвистические и семиотические концепции в теории перевода, которым противопоставляются макролингвистические (коммуникативные) концепции, учитывающие взаимодействие языковых и неязыковых факторов в процессе перевода (в частности, социальные аспекты этого вида речевой деятельности) и их влияние на результат, т. е. на перевод как речевое произведение» (Каде 1979: 4).

Не вызывает сомнений тот факт, что коммуникативно-прагматический поворот в языкознании мгновенно и неотвратно повлиял и на переводоведение. Неудивительно, ведь теория перевода и в своих истоках, и просто онтологически неотрывно привязана к теории языка. Как точно отметил в свое время Дж. Стайнер, всякое теоретическое рассмотрение проблем перевода «предполагает систематическую теорию языка, с которой оно либо совпадает, либо состоит в отношениях частного и целого» (Стайнер 2020: 357). В 1988 году, спустя десять лет после выхода статьи О. Каде, его мысли, уже концептуально закрепленные в отечественной науке о переводе, поддержал А. Д. Швейцер:

«Исследуя перевод как особый вид речевой коммуникации, теория перевода не ограничивается анализом его языкового механизма. Ведь перевод — это не только взаимодействие языков, но и взаимодействие культур. В переводе находят свое отражение ситуация порождения исходного текста и ситуация перевода. Едва ли удастся адекватно описать процесс перевода, не учитывая того, что он осуществляется не идеализированным конструктом, а человеком, ценностная и психологическая ориентация которого неизбежно сказывается на конечном результате. Именно поэтому в предмет <...> теории перевода входит процесс перевода в *широком социокультурном контексте* с учетом влияющих на него *внеязыковых* факторов — его *социальных, культурных и психологических* детерминантов» (курсив наш — В. Ф.) (Швейцер 1988: 8).

Таким образом, «включение перевода в сферу интересов языкознания» предполагало «широкое (“макролингвистическое”) понимание предмета этой науки» (Комиссаров 2009: 9). И когда классики и современные представители ЛТП говорят об изучении «текстов» или «результатов дея-

тельности переводчика», они выходят далеко за рамки структуралистских, хомскианских или любых других микролингвистических реалий.

К сожалению, этого никак не хотели понять (да и сегодня зачастую не хотят понимать) критики ЛТП. Так, анализируя лингвистический подход в целом и идеи В. Н. Комиссарова в частности, А. Н. Крюков отмечал, что «из сферы исследования умышленно исключается субъект деятельности — переводчик — со своими мотивами, целями и психофизиологическим аппаратом <...> Для простоты и “объективности” исследования лингвистическая теория отреклась от переводчика, как в свое время лингвистика с легкой руки Ф. де Соссюра отреклась от “говорящего” человека» (Крюков 1984: 5). Другим примером бессмысленной борьбы с «ветряными мельницами лингвистичности» в теории перевода являются работы З. Д. Львовской. Свой оригинальный коммуникативный подход исследователь разрабатывает как бы в полемике с представителями ЛТП, при этом на деле воюет она не с лингвистическим переводоведением, а с неким упрощенным образом лингвистической теории перевода. З. Д. Львовская призывает считать предметом науки о переводе «весь процесс перевода, понимаемый как акт двуязычной коммуникации, включающий речевую деятельность всех его участников <...> Предметом теории перевода является раскрытие сущности процесса перевода и выявление его общих закономерностей» (Львовская 1985: 38). По сути, такая формулировка методологическим принципам ЛТП не противоречит, что не мешает автору в более поздней работе утверждать, что наука о переводе, замкнутая «рамками лингвистической теории», «заблуждалась относительно природы исследуемого объекта» (Львовская 2014: 161). В похожем ключе об объекте теории перевода пишет и Р. К. Миньяр-Белоручев: «Объектом науки о переводе является не просто коммуникация с использованием двух языков, а коммуникация с использованием двух языков, включающая коррелирующую между собой деятельность источника, переводчика и получателя. Центральным звеном этой коммуникации является деятельность переводчика или перевод в собственном смысле этого слова, который представляет собой один из сложных видов речевой деятельности» (Миньяр-Белоручев 1996: 25).

Он также отмечает, что «перевод как объект исследования нельзя сводить и к деятельности переводчика. Деятельность переводчика включена в определенную речевую ситуацию и коррелирует с ней <...>» (Там же: 15). Но ведь о важности учета всех аспектов речевой ситуации писал еще Я. И. Рецкер, которого критики ЛТП считают самым строгим приверженцем узколингвистического подхода к переводу. По Рецкеру, речевую ситуацию составляют следующие элементы: «1) отражение личности автора

(или говорящего); 2) отражение источника, в котором опубликован переводимый материал; 3) отражение адресата или аудитории, к которой обращено высказывание; 4) назначение переводимого материала, ожидаемый эффект, который он должен произвести на читателя или слушателя» (Рецкер 1974: 33). Прав был В. Н. Комиссаров, говоря, что «все мы вышли из Рецкера» (Комиссаров 2011: 7). Как мы видим, стереоскопичный взгляд на исследуемый объект, понимание укорененности всякого текста в конкретной ситуации речевого общения — все это было еще у «отцов-основателей» ЛТП. Отмечая факт преодоления лингвистического и литературоведческого изоляционизма, А. Д. Швейцер напрямую связывал расширение дисциплинарных рамок теории перевода с расширением «горизонтов самого языкознания», характеризующимся установлением «тесных связей с другими науками» (Швейцер 1999: 21).

Впрочем, попытки расширить горизонты дисциплины, включение в область ее исследования большего числа граней и ипостасей исследуемого объекта, привлечение методологических и понятийных аппаратов смежных наук — все это ставит новую проблему, а именно проблему междисциплинарности. Заметим, что западная наука о переводе — с легкой руки М. Снелл-Хорнби и других теоретиков — давно пошла именно этим путем, объявив себя подчеркнуто междисциплинарной (Snell-Hornby, Röchhacker, Kaindl 1992). Однако с методологической точки зрения междисциплинарной может считаться только та область исследований, в рамках которой четко и непротиворечиво сформулирован и описан специфический междисциплинарный объект. При этом такой «новый междисциплинарный объект не может быть исследован с помощью старого понятийного аппарата. А если какой-то дисциплинарный термин все-таки используется, он требует обязательного приспособления для описания нового объекта» (Пищальникова 2011: 107). Таким образом, междисциплинарность теории перевода должна в первую очередь подразумевать если не выработку нового понятийного аппарата, то по крайней мере приспособление старых категорий к особенностям нового объекта. Вторым же важным требованием междисциплинарности является универсальность избранных для описания нового объекта понятий: «Система категорий, описывающая этот объект, должна быть приемлемой для любой из наук, занимающихся ее исследованием» (Там же: 108).

2. Результаты исследования и их обсуждение

Так можно ли, учитывая все различия в подходах, вообще говорить о едином предмете общей теории перевода? Традиционно в переводоведении проводилось разделение на перевод как процесс и перевод как резуль-

тат. С. Н. Сыроваткин остроумно указывал на то, что эти два «перевода» являются омонимами: «Одна из первых трудностей определения понятия перевода — это то, что само слово “перевод” полисемично, если вообще не представляет собой пару омонимов» (Сыроваткин 1978: 5). При этом содержание термина «процесс перевода» «обусловлено парадигмой исследования и включает мыслительные операции переводчика, основные этапы перевода, а также принятие переводческого решения и его обусловленность внешними и внутренними факторами» (Княжева, Боровкова 2021: 29–30). Методологически различение процесса (речевой деятельности) и его результата (текста) необходимо, однако одна из задач общей теории перевода, как нам представляется, это выстраивание такой концептуальной базы, которая позволила бы это разделение снять. В своем обзоре развития науки о переводе В. Н. Комиссаров отмечал, что на определенном этапе исследователям стало «ясно, что вряд ли целесообразно противопоставлять процесс перевода его результату» (Комиссаров 2020: 134). Тем не менее разведение путей переводоведения по этим двум траекториям продолжалось еще долго. А. Н. Крюков предложил различать два типа онтологии — субститутивно-трансформационную и деятельностьную. Такое разделение было подхвачено рядом исследователей, в том числе Н. Л. Галеевой, которая отмечала, что эти два типа онтологии «отличаются друг от друга прежде всего *отношением к деятелю и деятельности*» (Галеева 1997: 18).

Следует признать, что в вышеупомянутом остроумном замечании С. Н. Сыроваткина есть доля истины. Перевод как процесс, т. е. конкретная психологическая деятельность, и перевод как результат, т. е. готовый текст (*эргон*), в определенном ракурсе представляются настолько разными феноменами, что кажутся вполне логичными попытки отдать их в ведение разных наук. Вспоминая о том, что среди «неязыковых факторов» всегда упоминаются и «социальные», к двум аспектам — психолингвистическому (перевод как процесс) и лингвистическому (перевод как результат) — следует также добавить третий, а именно «перевод как событие» (событие речевого взаимодействия). При этом важно отметить, что перевод как событие — это не иной *тип* перевода (ср. разделение на собственно перевод и терциарный перевод [Сдобников 2010: 140]), а еще одна ипостась единого явления. По-своему подходя к проблеме изучения неязыковых факторов, авторитетный англо-финский переводовед Эндрю Честерман в своей программной статье предложил заниматься «наукой о переводчике» (*translator studies*) (Chesterman 2009). Попытки изучать перевод специализированно (по отдельным ведомствам) понятны, но, на наш взгляд, доведенные до крайности (например, когда предлагается изучать процессы, происходящие в мозгу переводчика), они приведут лишь к дальнейшему теоретико-

методологическому расколу в переводоведении. Так, в одной работе современное состояние науки о переводе было названо «этапом методологического кризиса» (Фролов 2020: 216). Если взять в качестве примера психологию, то подобные метания в трактовке научного объекта привели к усилению позиций нейрофизиологии. Однако с теоретико-методологической точки зрения мозг — это физиологический субстрат, изучение которого лишь косвенно и частично приближает исследователя к пониманию собственно психических процессов. Так и в науке о переводе исследователь, излишне заостряющий внимание на индивидуально-психологических или средовых факторах, обречен упираться в субстрат или косвенные контексты, не продвигаясь по пути феноменологии переводческой деятельности.

При этом и ученый, и переводчик-практик интуитивно чувствуют, что перевод есть единое, пусть и сложное, целое. Иными словами, есть та плоскость, в которой пересекаются и языковые, и неязыковые факторы, определяющие перевод как особый вид коммуникации. В нашем понимании такой плоскостью является текст.

Формально утверждение о том, что перевод происходит между текстами, есть трюизм, но оно может наполняться разным содержанием в зависимости от той или иной трактовки понятия «текст». Если «текст» понимается в узком микролингвистическом смысле, то можно даже согласиться с критиками ЛТП, выступающими против «текстоцентризма» в переводоведении. Более широкое понимание в духе теории и лингвистики текста также во многом ограничено. Нам же необходима такая трактовка текста, которая бы включала в себя всю релевантную для теории перевода психолингвистическую и социолингвистическую подоплеку, а также не противоречила бы описанным нами выше правилам выделения междисциплинарного объекта. Другими словами, вопрос не только в том, *что* изучать, но также и в том, на основе какой теоретико-методологической базы это делать. В некоторых работах отмечалось, что для рассмотрения перевода как междисциплинарного объекта необходимо использовать наработки теории речевой деятельности А. А. Леонтьева (Фролов 2018). Если же говорить о социолингвистическом аспекте, т. е. рассмотрении перевода в его «третьей ипостаси события речевого взаимодействия», то здесь необходимой «базой может стать теория речевого общения, или металингвистика, М. М. Бахтина» (Фролов 2021: 249). При этом сам М. М. Бахтин, в отличие от своего брата Н. М. Бахтина (см. [Кочетков 2019]), специально о переводе никогда не писал.

В работе «Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках» М. М. Бахтин, развивая свою идею «диалогического

отношения между текстами», утверждает, что текст есть «высказывание, включенное в речевое общение (текстовую цепь) данной сферы» (Бахтин 1979: 283). Данная мысль, давно ставшая достоянием литературоведения и филологии, крайне важна и для лингвистики. Действительно, встроенность текста в ряд других текстов, взаимодействие с ними можно интерпретировать не иначе как отражение его общественной природы. А значит, попытка «включить текст в речевое общение» будет и частью события перевода. При этом на выбор переводчиком «текстовой цепи» будут влиять определенные факторы, главным образом его функциональная установка (см. [Ланчиков 2009]).

Стоит упомянуть здесь и представление М. М. Бахтина о «двух полюсах текста»: первый из них — система языка, однако при этом «каждый текст (как высказывание) является чем-то индивидуальным, единственным и неповторимым <...> Этот второй момент (полюс) присущ самому тексту, но раскрывается только в ситуации и в цепи текстов (в речевом общении данной области)» (Там же). Важно отметить, что бахтинской теории языка мы имеем парадигму, во многом альтернативную магистральному языкознанию XX века и тем более классической социолингвистике.

Итак, в теории речевой деятельности А. А. Леонтьева мы имеем стык лингвистики с психологией, в металингвистике М. М. Бахтина — стык языковой природы текста с общественной. Для завершения картины необходим стык леонтьевской и бахтинской теорий. Здесь нам помогут две находки — текстологическая и методологическая. В предисловии к переизданию своей первой крупной работы «Слово в речевой деятельности» А. А. Леонтьев указывает на «очевидный интерес М. М. Бахтина к этой книге и другим моим лингвистическим работам 60-х годов» (Леонтьев 2014: 2). На эту мысль его натолкнули составители и редакторы собрания сочинений М. М. Бахтина, которые в комментариях к шестому тому сообщили, что в архивах ученого «хранится экземпляр указанной здесь книги А. А. Леонтьева (Леонтьев А. А. Слово в речевой деятельности. М., 1965) с многочисленными пометами М.М.Б. <...> Психолингвистическая концепция Леонтьева могла интересовать М.М.Б. своей *установкой на говорящего человека, на создание общей теории речевой деятельности, расширяющей предмет лингвистики от узко понимаемой системы языка до сферы речи*» (курсив наш — В. Ф.) (Бахтин 2002: 562). Как мы видим, обоих ученых интересовал тот самый ракурс, который мы выше описывали как макролингвистический.

Что же касается методологической состыковки, то здесь необходимо сослаться на статью Т. В. Ахутиной «Теория речевого общения в трудах М. М. Бахтина и Л. С. Выготского». Теория речевой деятельности

А. А. Леонтьева в своих принципиальных постулатах выросла из идей А. Н. Леонтьева, который, в свою очередь, был последователем Л. С. Выготского, а значит, согласование идей М. М. Бахтина и Л. С. Выготского позволяет, на наш взгляд, говорить и об увязке идей М. М. Бахтина и А. А. Леонтьева. Итак, в концепциях двух ученых Т. В. Ахутина находит важнейшие точки соприкосновения и даже предлагает объединить обе концепции под общим названием «теория речевого общения»: «<...> попробуем построить общую картину, которая непротиворечиво включала бы положения обоих ученых <...> Основным двигателем смыслового развертывания (от понятного только мне внутреннего слова к понятной ему внешней речи) является сопоставление моего субъективного сиюмоментного смысла, который я приписываю данному слову, и его объективного (постоянного для меня и для моего слушателя) значения. Таким образом, основным строительным материалом порождения речи является живое двуголосое слово <...> Высказывание и слово как свернутая форма высказывания являются единицами речевой деятельности, речевого общения и сознания» (Ахутина 1984: 13).

Модель порождения речи Выготского — Леонтьева обогащается бахтинской идеей двуголосого слова. Конечно, глубокое содержательное сопоставление двух теорий — дело будущего, однако и текстологическая находка редакторов собрания сочинений М. М. Бахтина, и уверенность Т. В. Ахутиной в том, что две теории могут быть объединены, позволяют нам говорить о наличии единой «теории речевого общения».

3. Выводы

Итак, по А. Д. Швейцеру, в предмет общей теории перевода «входит процесс перевода в широком социокультурном контексте с учетом влияющих на него внеязыковых факторов — его социальных, культурных и психологических детерминантов». Соглашаясь с такой формулировкой, мы считаем нужным уточнить, что в таком случае необходимо говорить о трех «ипостасях» предмета: переводе как процессе, переводе как результате и переводе как событии, о его принципиальном триединстве. С нашей точки зрения, методологически важно это единство подчеркнуть, поскольку попытки выделить только те или иные стороны долгое время приводили к малопродуктивным спорам и чересполосице в переводоведении. Следующий шаг — единая теоретико-методологическая основа, полагаясь на которую можно было бы в равной степени исследовать любую из трех граней перевода. В рамках предложенной нами схемы за психолингвистический стык отвечает теория речевой деятельности, за социолингвистический —

теория языка (металингвистика) М. М. Бахтина, при этом две теории стыкуются и между собой.

Таким образом, перевод трактуется достаточно широко, при этом методологически предмет общей теории не выходит за рамки проблематики «текста» в том смысле, что и теория речевой деятельности, и теория речевого общения не заимствуют методологии и концептуальные базы из смежных наук (будь то психология, культурология, социология), а в необходимой степени расширяют макролингвистическую проблематику. Здесь представляются релевантными слова О. Каде, сказанные им по поводу собственной формулировки предмета теории перевода, но одинаково подходящие и для идей, высказанных нами выше: «<...> широкое понимание предмета теории перевода отнюдь не заставляет отрицать ее лингвистический характер, если только признать лингвистическим, наряду с исследованием языка как знаковой системы, также и исследование речепроизводства и речи (как способов и результатов общественного использования языка)» (Каде 1979: 7).

Список литературы / References

- Ахутина Т. В.* Теория речевого общения в трудах М. М. Бахтина и Л. С. Выготского // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 1984. № 3. С. 4–13. [Akhutina, Tatyana V. (1984) Teoriya rechevogo obshcheniya v trudakh M. M. Bakhtina i L. S. Vygotskogo (The Theory of Speech Communication in the Works of M. M. Bakhtin and L. S. Vygotsky). *Moscow University Bulletin. Psychology*, 3, 4–13. (In Russian)].
- Бахтин М. М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 281–307. [Bakhtin, Mikhail M. (1979) Problema teksta v lingvistike, filologii i drugikh gumanitarnykh naukakh (Problem of a Text in Linguistics, Philology and Other Humanitarian Sciences). In Bakhtin, Mikhail M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* (The Aesthetics of Verbal Creativity). Moscow: Iskusstvo, 281–307. (In Russian)].
- Бахтин М. М.* Собрание сочинений. Т. 6. М: Русские словари, 2002. [Bakhtin, Mikhail M. (2002) *Sobraniye sochineniy. T. 6.* (Collected Works. Vol. 6). Moscow: Russkiye slovari. (In Russian)].
- Галеева Н. Л.* Основы деятельностной теории перевода. Тверь: ТГУ, 1997. [Galeyeva, Natalya L. (1997) *Osnovy deyatel'nostnoy teorii perevoda* (The Foundations of the Activity-Based Translation Theory). Tver: TGU. (In Russian)].
- Каде О.* К вопросу о предмете лингвистической теории перевода // Тетради переводчика. 1979. Вып. 16. С. 3–11. [Kade, Otto (1979) K voprosu o predmete lingvisticheskoy teorii perevoda (On the Subject of the Linguistic Theory of Translation). *Translator's Notebooks*, 16, 3–11. (In Russian)].
- Княжева Е. А., Боровкова Т. Ю.* Переводческое задание как инструмент взаимодействия участников процесса перевода // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 1 (53). С. 23–40. [Knyazheva, Yelena A., & Borovkova, Tatyana Yu. (2021) Perevodchesko-

- ye zadaniye kak instrument vzaimodeystviya uchastnikov protsessa perevoda (A Translation Task as a Vehicle for the Interaction of the Participants in the Translation Process). *LUNN Bulletin*, 1 (53), 23–40. (In Russian)].
- Комиссаров В. Н. Интуитивность перевода и объективность переводоведения // Язык. Поэтика. Перевод. Сборник научных трудов МГЛУ. 1996. Вып. № 426. С. 91–99. [Komissarov, Vilen N. (1996) Intuitivnost' perevoda i obyektivnost' perevodovedeniya (The Intuitive Nature of Translation and the Objective Nature of Translation Studies). *Proceedings of the Moscow State Linguistic University*, 426, 91–99. (In Russian)].
- Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. [Komissarov, Vilen N. (2009) *Lingvistika perevoda* (Translation Linguistics). Moscow: LIBROKOM. (In Russian)].
- Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: Р. Валент, 2011. [Komissarov, Vilen N. (2011) *Sovremennoye perevodovedeniye* (Modern Translation Studies). Moscow: R. Valent. (In Russian)].
- Комиссаров В. Н. Переводоведение в XX веке: некоторые итоги // Переводческие исследования. Избранные статьи 1968–2005. М.: Р. Валент, 2020. С. 133–146. [Komissarov, Vilen N. (2020) *Perevodovedeniye v 20 veke: nekotoryye itogi* (Translation Studies in the 20th Century: Some of the Crucial Results). In Komissarov, Vilen N. *Perevodcheskie issledovaniya. Izbrannyye stat'i 1968–2005* (Translation Investigations. Selected papers 1968–2005). Moscow: R. Valent, 133–146. (In Russian)].
- Кочетков А. Н. «Короткое дыхание» Николая Бахтина: «Разговор о переводах» // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2019. Вып. 46. С. 42–50. [Kochetkov, Aleksandr N. (2019) «Korotkoye dykhaniye» Nikolaya Bakhtina: «Razgovor o perevodakh» (Nikolai Bakhtin's "Short Breath": A Discourse on Translations). *LUNN Bulletin*, 46, 42–50. (In Russian)].
- Крюков А. Н. Актуальные методологические проблемы науки о переводе // Тетради переводчика. 1984. Вып. 21. С. 3–13. [Kryukov, Anatoly N. (1984) Aktual'nyye metodologicheskiye problemy nauki o perevode (Current Methodological Problems of the Science of Translation). *Translator's Notebooks*, 21, 3–13. (In Russian)].
- Ланчиков В. К. Развитие художественного перевода в России как эволюция функциональной установки // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2009. Вып. 4. С. 163–172. [Lanchikov, Viktor K. (2009) *Razvitiye khudozhestvennogo perevoda v Rossii kak evolyutsiya funktsionalnoy ustanovki* (The Development of Literary Translation in Russia as an Evolution of the Function-based Attitude). *LUNN Bulletin*, 4, 163–172. (In Russian)].
- Леонтьев А. А. Слово в речевой деятельности: Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. М.: ЛЕНАНД, 2014. [Leontiev, Aleksey A. (2014) *Slovo v rechevoy deyatel'nosti: Nekotoryye problemy obshchey teorii rechevoy deyatel'nosti* (The Word in Speech Activity: Some Problems of the General Theory of Speech Activity). Moscow: LENAND. (In Russian)].
- Львовская З. Д. Теоретические проблемы перевода. М.: Высшая школа, 1985. [Lvovskaya, Zinaida D. (1985) *Teoreticheskiye problemy perevoda* (Theoretical Problems of Translation). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].

- Львовская З. Д. Современные проблемы перевода. М.: Издательство ЛКИ, 2014. [Lvovskaya, Zinaida D. (2014) *Sovremennyye problemy perevoda* (Current Problems of Translation). Moscow: LKI. (In Russian)].
- Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода. М.: Московский лицей, 1996. [Minyar-Beloruichev, Ryurik K. (1996) *Teoriya i metody perevoda* (Theory and Methods of Translation). Moscow: Moskovsky litsey. (In Russian)].
- Пищальникова В. А. О содержании базовых терминов в современной отечественной психолингвистике // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. 2011. № 4. Вып. 2. С. 106–115. [Pishchalnikova, Vera A. (2011) O sodержanii bazovykh terminov v sovremennoy otechestvennoy psikholingvistike (On the Content of Basic Terms in Modern Russian Psycholinguistics). *Tver University Bulletin. Series Philology*, 4 (2), 106–115. (In Russian)].
- Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Международные отношения, 1974. [Retsker, Yakov I. (1974) *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika* (Translation Theory and Practice). Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya. (In Russian)].
- Сдобников В. В. Типология перевода: коммуникативно-функциональный подход // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2010. Вып. 10. С. 132–143. [Sdobnikov, Vadim V. (2010) Tipologiya perevoda: kommunikativno-funktsionalny podkhod (The Typology of Translation: a Communicative-functional Approach). *LUNN Bulletin*, 10, 132–143. (In Russian)].
- Стайнер Дж. После вавилонского смешения. Вопросы языка и перевода. М.: МЦНМО, 2020. [Steiner, George (2020) *Posle vavilonskogo smesheniya. Voprosy yazyka i perevoda* (After Babel. Aspects of Language and Translation). Moscow: MTsNMO. (In Russian)].
- Сыроваткин С. Н. Теория перевода в аспекте функциональной лингвосомиотики. Калинин: Калининский ун-т, 1978. [Syrovatkin, Sergey N. (1978) *Teoriya perevoda v aspekte funktsional'noy lingvosemiotiki* (Translation Theory in the Aspect of Functional Linguosemiotics). Kalinin: Kalininskiy un-t. (In Russian)].
- Фролов В. И. Перевод с точки зрения теории речевой деятельности // Языковое бытие человека и этноса. Материалы XV Березинских чтений. 2018. С. 243–248. [Frolov, Valentin I. (2018) Pervod s tochki zreniya teorii rechevoy deyatelnosti (Translation from the Perspective of the Theory of Speech Activity). In *Yazykovo bytie cheloveka i etnosa. Materialy XV Berezinskikh chteniy* (Linguistic Being of Man and Ethnicity. Proceedings of the 25th Berezin Readings), 243–248. (In Russian)].
- Фролов В. И. К вопросу о периодизации переводческой мысли // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2020. № 4 (67). С. 210–217. [Frolov, Valentin I. (2020) K voprosu o periodizatsii perevodcheskoy mysli (On the Periodization of Translation Theories). *Tver University Bulletin. Philology*, 4 (67), 210–217. (In Russian)].
- Фролов В. И. Перевод и теория речевого общения // Методология современного языкознания – 3. М.: Р. Валент, 2021. С. 246–250. [Frolov, Valentin I. (2021) Pervod i teoriya rechevogo obshcheniya (Translation and Theory of Speech Communication). In *Methodology of modern linguistics 3*. Moscow: R. Valent, 246–250. (In Russian)].

- Швейцер А. Д.* Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. [Shveitser, Aleksandr D. (1988) *Teoriya perevoda: status, problem, aspekty* (Translation Theory: Status, Problems, Aspects). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Швейцер А. Д.* Междисциплинарный статус теории перевода // Тетради переводчика. 1999. Вып. 24. С. 20–31. [Shveitser, Aleksandr D. (1999) *Mezhdistsiplinarnyy status teorii perevoda* (The Interdisciplinary Status of Translation Theory). *Translator's Notebooks*, 24, 20–31. (In Russian)].
- Chesterman, Andrew. (2009) The Name and Nature of Translator Studies. *Hermes — Journal of Language and Communication Studies*, 42, 13–22.
- Snell-Hornby, Mary, Pöchhacker, Franz, & Kaindl, Klaus. (eds.) (1992) *Translation studies: An interdiscipline*. Vienna: John Benjamins Publishing.